

18+

АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРЫЙ

ККК-44

Александрович Серый

ККК-44

«Издательские решения»

Серый А.

ККК-44 / А. Серый — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «ККК-44» — это автобиографическая повесть,
в которой автор делится своими воспоминаниями об учёбе в Казанском
суворовском училище на фоне событий, связанных с развалом огромной
страны под названием Советский Союз.

Содержание

Казанский кадетский корпус	6
По «протекции» из Москвы	7
Нетёплый приём	9
Ротная семья	10
Чушпан московский	12
Невидимая сторона медали	14
Лжецы и Рыцари	17
В связи с напряжённой обстановкой «на границе с Гондурасом»	20
Падение «Рэмбо»	22
Жертва или изгой?	24
Вожаки и стукачи	26
Мы не будем называть их фамилии	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ККК-44

Александрович Серый

© Александрович Серый, 2026

ISBN 978-5-0070-2793-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Казанский кадетский корпус

*«Околыш красный знает вся страна,
Выправка наша издали видна,
Клянёмся! Что не зря нас так зовут,
Казанские кадеты не подведут!»
(Слова из строевой песни)*

Какой сегодня день?

Который год?

Какой в этом году был выпуск в Казанском суворовском училище?

75-й или 77-й?

Наш выпуск был 44-м... А знаете, чем этот выпуск был уникальным в отличие от остальных?

Мы поступали в Суворовское училище в стране, под названием Советский Союз, а выпускались уже в другой стране, с другим флагом и с другим гимном...

Впрочем для нас самих это было не слишком ощутимо, потому что те самые «ягодки» развала огромной страны многих из нас ожидали ещё впереди... Поэтому в наших головах на тот момент ещё «рисовалось» более менее «светлое будущее» с непременным продвижением по службе, с «романтикой» учебных тревог в относительно спокойное и мирное время, именно так, как это было показано в советском художественном фильме «В зоне особого внимания», где в главных ролях снимались Михай Волонтир и Борис Галкин...

В то время многие из нас были ещё совсем «зелёными» пацанами с неокрепшей психикой и с большими ожиданиями... Мы до конца не понимали, что для многих из нас заветная парадная форма чёрного цвета с алыми погонами и с красными лампасами, на закате Советского Союза уже не производила особого впечатления и не вызывала желаемый восторг среди окружавшего нас местного населения... Наоборот, в глазах местных казанских пацанов, мы на тот момент были просто «суриками», которых они периодически «обували» и разводили на деньги, а в глазах некоторых местных жителей уже во всю ратующих за независимость республики Татарстан, мы были «молодыми оккупантами», по их мнению всячески препятствующими той самой независимости.

Таким образом, нам, как неокрепшим новобранцам ещё только предстояло столкнуться с суровой «правдой жизни», как внутри самого училища, так и за его пределами...

По «протекции» из Москвы

*«Мой дядя, самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог...»
(Александр Сергеевич Пушкин «Евгений Онегин»)*

Как я мог оказаться в Казанском суворовском училище, изначально поступая в Московское суворовское училище?

Это была не такая уж длинная история, в результате которой меня занесло в столицу Татарстана... Тут не обошлось без «блатной руки» или нужных «связей», хотя впрочем, в то время я был такой далеко не один...

Например, в Московское Суворовское училище вместе со мной поступал сын одного генерала, являющийся на тот момент ни много ни мало главкомом десантных войск... За отпрыском главкома иногда приезжала элитная «Волга» с личным водителем и забирала его на выходные домой. Конечно, я не мог позволить себе такой роскоши, потому что имел простое «пролетарское» происхождение. Мои родители были простыми трудягами, работая всю свою сознательную жизнь на одном из оборонных заводов города Москвы. Но у моей мамы была очень хорошая знакомая—одна из начальниц цеха, у которой муж был кадровый военный, без пяти минут «настоящий полковник», закончивший в своё время одно из военно-политических училищ, и на тот момент, являющийся одним из почетных сотрудников военного учреждения, находящегося почти в центре города Москвы. Он был одним из авторов книги, связанной с профессиональным отбором, содержащим кучу «нелепых тестов», которые тогда проходили все абитуриенты перед поступлением в военные заведения...

Именно этот «почётный военный муж» маминой хорошей знакомой и оказал мне помощь в поступлении в Суворовское училище, и немного помог с «профессиональным отбором». Что касается остальных экзаменационных предметов, то он не мог мне помочь, поэтому сдача вступительных экзаменов уже зависела от моей личной учебной и физической подготовки...

Стоит признать, что «тройка» на экзамене по русскому языку для меня уже была неплохим достижением, поскольку я все время считал себя сильным в более точных науках, но, к моему сожалению, после экзамена по математике, меня также поджидала тройка... Таким образом, робкая надежда оставалась на экзамен по физической подготовке, где меня ждала очередная «неудача»... После того, как я сдал десять подтягиваний на турнике «на отлично», меня ожидала стометровка, где я не мог скрыть своего волнения и на старте так переусердствовал, что получил сильное растяжение мышцы бедра, в результате чего, еле-еле добежав до финиша, я уже не мог участвовать в следующем забеге на три километра...

В конце концов по физической подготовке меня тоже ждала «тройка», и, как итог «непроходной» бал для прохождения в одно из самых престижных суворовских военных училищ, которое на тот момент всё ещё находилось недалеко от центра города Москвы, в районе станции метро «Фили», название которого, в свою очередь предполагало историческую связь с тем самым местом, где проводился знаменитый «военный совет в Филях» во главе с Михаилом Илларионовичем Кутузовым во время Отечественной войны 1812 года.

Таким образом, моё поступление в одно из самых известных военных заведений города Москвы было провалено, в следствие чего, я был очень подавлен и глубоко расстроен... Но «почётному военному мужу» хорошей знакомой моей мамы, которого я в дальнейшем скромно именовал своим «дядей», всё-таки удалось выхлопотать для меня место в Казанском суворов-

ском училище, где по официальной версии проходной бал был ниже, а не по официальной был просто «недобор».

Узнав о том, что меня уже ждут в другом учебном заведении, мы с моей мамой взяли билет на ближайший поезд до Казани и отправились покорять этот город. Как выяснилось немного позже в Казанском суворовском училище меня не очень-то и ждали, вернее сказать ждали, но рады были не совсем...

Нетёплый приём

*«Сквозь длинных коридоров полумрак,
И затхлость кабинетов чуждых...
Взирает на тебя Левиафан,
И взглядом пристальным утешит...»
(Александрович Серый «Левиафан»)*

В девяностом году город Казань по своей сути ещё не был похож на почётную и яркую столицу суверенной республики Татарстан. На тот момент этот город скорее всего напоминал один из республиканских центров со старыми потрёпанными улочками, по которым ходили тяжёлые дребезжащие трамваи и шумные троллейбусы...

Само суворовское училище находилось недалеко от центра города. За невысоким забором по улице Толстого, возвышалось большое трёхэтажное старинное здание, в котором когда-то в дореволюционные времена располагался институт благородных девиц, а ныне находились казармы и учебные классы суворовского училища. Перед огромным зданием в виде немного усечённой буквы «П», находился огромный плац с отдельно стоящей трибуной для высоких чинов. Позади трибуны, начиная от центрального входа в училище, вдоль плаца проходила небольшая аллея, по левую сторону от которой располагались остальные административные здания в виде местного клуба, штаба и столовой, соединённой небольшим надземным переходом с дальним крылом основного здания в виде той самой усечённой буквы «П».

В общем и целом, все основные здания суворовского училища находились недалеко друг от друга. Такое компактное расположение всех корпусов было очень удобным и доступным, особенно в холодное зимнее время года, когда на улице стояли сильные морозы и слишком долгое пребывание на морозном воздухе во избежание несчастных случаев, связанных с обморожением, было нежелательно.

По приезду в училище нам с мамой предстояло попасть в двухэтажное административное здание училища, которое негласно именовалось «Штабом», для того чтобы засвидетельствовать своё прибытие.

На втором этаже здания нас ожидал слабо освещённый коридор, где в одном из кабинетов восседал начальник по учебной части настоящий полковник с громкой фамилией Бушуев, которому по статусу полагались по три больших звёздочки на погоны и большая каракулевая папаха. Возле кабинета кроме нас с мамой приёма высокого начальства ожидало ещё несколько ребят со своими родителями, с некоторыми из которых мне приходилось пересекаться во время поступления в Московское суворовское училище.

— Ну что, прибыли, неудачники? — Сразу выйдя из своего кабинета, ошарашил нас своим командным голосом настоящий полковник Бушуев.

— Думаете, мы вас тут ждём с распростёртыми объятиями?

Всё это было сказано таким недовольным тоном, как будто бы в его глазах мы не просто были «неудачники», а самые настоящие тунеядцы и бездельники, которые приехали из Москвы в Казанское суворовское училище просто так, от нечего делать.

Для меня, как и для ещё нескольких «неудачников», прибывших из Москвы, его слова оказались небольшим «холодным душем», после которого, нам предстояло направиться в разные роты для прохождения дальнейшего обучения..

Чуть позже я узнал о том, что сын настоящего полковника уже проходил обучение на старшем курсе училища. В последствии он тоже станет настоящим полковником, и закончит свою жизнь в расцвете сил, в одной из «горячих точек» в 2016 году...

Ротная семья

*«Назвала тебя братом, ротная семья...
За тобой, за солдатом, Родина твоя...»
(Слова из строевой песни)*

— Откуда к нам прибыл?

С таким вопросом ко мне обратился командир третьей роты подполковник Полевой¹. С виду он выглядел подтянутым человеком невысокого роста с сильно поседевшими висками, напоминающий чем-то уже постаревшего добренького дядю, которому было уже далеко за пятьдесят.

— Из Москвы, — робко ответил я, в присутствии своей мамы, всё ещё сопровождавшей меня к месту моего зачисления на должность суворовца.

Внимательно приглядевшись ко мне своими оценивающим взглядом, подполковник Полевой продолжал задавать дальнейшие вопросы:

— Как учился в школе? Какими видами спорта занимался?

— В школе он учился хорошо. Три года занимался велоспортом, — вместо меня на эти вопросы уже ответила моя мама...

— Что ж, не плохо, — ответил подполковник Полевой, оценивая меня своим пристальным взглядом...

Незаметно к нашей беседе присоединился товарищ майор, который также был ростом ниже среднего, но немного выше подполковника Полевого. Аккуратная короткая стрижка майора открывала его широкий прямоугольный лоб, белизна которого резко контрастировала на фоне тёмных волос. Своим внешним видом он чем-то напоминал танкиста... Хотя по своей сути товарищ майор и был офицером танковых войск, о чем свидетельствовали его знаки отличия на чёрных петлицах. Как позже выяснится это был майор Бритвин, который по факту будет командиром моего взвода, а по совместительству офицером-воспитателем.

Сразу после выполнения интернационального долга в Афганистане немного «отбитый на голову» товарищ майор был назначен на вышеупомянутую должность в Казанское суворовское училище. По некоторым слухам проблемы с головой у майора Бритвина иногда проявлялись в следствии небольшой контузии, произошедшей с ним во время боевых действий. Также эти проблемы проявлялись в немного заторможенной эмоциональной реакции на происходящие вокруг события, за что товарищ майор и получил обидное прозвище «Ручник», связанное с таким атрибутом автомобиля, как ручной тормоз. За свой широкий прямоугольный лоб в нашем взводе его будут также негласно именовать «Лоба».

После краткого знакомства с офицерским составом, мы трогательно попрощались с моей мамой. Преодолевая небольшую грусть, связанную с расставанием с близким человеком, я отправился в расположение моего взвода, а именно в большую продолговатую комнату, с ровно расставленными друг напротив друга кроватями... Эту комнату мы впоследствии называли «кубрик».

Мне вежливо показали на мою кровать, которая стояла отдельно в самом конце прохода, у всех на виду, прямо посередине нашего «кубрика» под большим центральным окном... Именно место нахождения моей кровати навело меня на мысль, что в расположении нашей роты и нашего взвода наблюдалась нехватка мест. Хотя с другой стороны, по сравнению с другими ротами, у нас хотя бы отсутствовали двухъярусные кровати... В любом случае, для меня

¹ Некоторые имена и фамилии могут быть изменены

второй ярус оказался бы намного предпочтительнее, чем отдельная кровать, стоящая под единственно доступным окном...

В дальнейшем место нахождения моей кровати обернётся для меня очень неприятными последствиями... Но об этом я расскажу немного позже, а пока немного поведаю о ребятах, с которыми мне предстояло в ближайшие два года тянуть все тяготы учёбы...

Чушпан московский

«Глава седьмая стих третий: Прежде чем войти подумай нужен ли ты здесь. Ну что, идём проверять?» (цитата из сериала «Слово пацана»)

По активному передвижению ребят в старой рабочей одежде, и по запаху побелки и мастики, я практически сразу догадался, что в расположении нашей роты проходил масштабный косметический ремонт. Причём непосредственно ремонтные работы проводились за счёт усилий самих же новоприбывших суворовцев... Поэтому желанную парадную форму чёрного цвета я сразу не увидел, вместо этого мне вручили казённый спортивный костюм синего цвета, чем-то напоминающий «робу» и тёмно-серые полукеды.

Ближе к обеду наш кубрик стал заполняться ребятами моего возраста. Конечно, по сравнению с некоторыми из них, я выглядел моложе, поскольку мой переходный возраст от молодого пацана к взрослому юноше немного задерживался... К тому моменту бритва ещё не касалась моего лица, поэтому на общем фоне личного состава нашего взвода я выглядел ещё достаточно «зелёным».

Первым кто ко мне подошёл в грязной рабочей одежде, оказался командир нашего отделения Сергей Молоков... Его лицо, покрытое следами от прыщей и оспин, выглядело достаточно суровым и уверенным, но это было только лишь на первый взгляд. Лицо нашего замкомвзвода из Чувашии Димы Яковлева было немного смуглым и достаточно миловидным, но по своему характеру он был намного резче... Имея на своём счету первый разряд по боксу, Дима умел быстро поставить на место своих немного зарвавшихся однокурсников. А если говорить простым языком, за неисполнение приказа он мог иногда хорошо двинуть в «пятак» своему подчиненному без особого предупреждения... Возможно, именно поэтому его и назначили на эту должность.

Вообще, я практически сразу заметил, что у местных ребят из Казани или из соседних областей иногда в жилах играла «горячая кровь». В отличие от московских ребят, они особо не церемонились в том, чтобы подбирать нужные слова и могли просто пустить в ход кулаки... Под их «раздачу» мог попасть кто угодно, особенно те, кто «не следил за своим базаром» или языком. Что говорить? Мне поначалу тоже иногда доставалась «на орехи» за неудачную шутку или неосторожное слово...

Со временем, после жёсткой фразы типа: «За базаром следи!» некоторые слова для меня здесь начинали приобретать особую роль, хотя по началу я на это не обращал внимания. Спустя какое-то время, я даже не обижался сразу на то, что кто-то в мой адрес кидал до конца не понятную мне фразу «Чушпан Московский». Только потом я понял насколько это прозвище было обидным и унижительным, особенно в глазах местных пацанов...

Ещё одним с виду необычным «пацаном» с нашего взвода, внешность которого сразу бросалась в глаза был «рыжий» Саша Кочевников. Его аккуратно подстриженные волосы ярко рыжего цвета были заметны издали... На тот момент он ещё не был назначен командиром третьего отделения, и, на первый взгляд, производил впечатление интеллигентного и аккуратного парня, с ростом выше среднего, но это было только с виду... Тогда я ещё не имел понятия о том, что из себя представляли «воры в законе»... Лишь спустя какое-то время я понял, что Саша Кочевников со своими необычными аристократическими замашками выглядел, как типичный интеллигентный «вор», обладающим большим авторитетом в местной среде. За его обманчивой безобидной внешностью скрывалась невидимая сила, под влиянием которой многие ребята из нашего взвода иногда просто начинали «пресмыкаться» перед ним.

Помню, как однажды поздно вечером, после команды «отбой» он обратился ко мне с одной просьбой... У одного из его хороших знакомых белые парадные перчатки оказались

на пару размеров меньше, из-за чего он не мог их натянуть на свои руки. Практически уже сквозь сон я услышал знакомый вкрадчивый голос... Открыв полусонные глаза, я увидел перед собой склонившееся продолговатое светлое лицо Саши Кочевникова. Спокойным безмятежным голосом Саша интеллигентно попросил меня поменяться белыми парадными перчатками. Его лицо, будто выточенное из белого мрамора, отражало внутреннюю уверенность и полное спокойствие... Не знаю почему, но я не смог ему отказать в его просьбе. В итоге у меня оказались парадные белые перчатки маленького размера, которые теперь я с трудом мог натянуть на свои руки...

Кстати, парадные белые перчатки нам не выдавали, мы их покупали за свои деньги у «перекупщиков». Я не стану никого обманывать, если скажу, что на территории суворовского училища существовал свой невидимый на первый взгляд «чёрный рынок» атрибутов парадной формы одежды... Для нас пятнадцатилетних пацанов, каждый атрибут был по своему важен, просто хотелось красиво выглядеть, во время увольнения или отпуска...

Что касается самой повседневной и парадной формы, то она не всегда подходила нам по размеру. В каждой роте был старший прапорщик, который отвечал за хозяйственную часть и за то, чтобы каждый суворовец был нормально одет, обут и обеспечен обмундированием. Каждому из нас полагалась не только повседневная, и парадная форма одежды черного цвета с красными лампасами и алыми погонами, но также в случае холодов полагалась чёрная шинель и вязаный свитер. Ещё нам выдавали спортивный костюм синего цвета без опознавательных знаков, а также нижнее бельё вплоть до трусов, маек, носков и кальсоны на случай холодного времени года.

Для того, чтобы не потерять свою форму или спортивный костюм, которые практически на всех нас выглядели одинаково, у каждого суворовца был свой порядковый номер, которым помечалась вся выданная форма одежды... Также каждому суворовцу нужно было пройти «примерку», которая иногда проходила очень быстро под ободрительные возгласы гладко выбритого старшего прапорщика Колчина... У меня проблема была в том, что повседневная форма оказалась на пару размеров больше, а парадная форма была впрытык, в следствие чего на втором курсе она оказалась на меня уже совсем не по размеру... Как говорил один из героев фильма про Александра Невского: «Эх, коротка кольчужка!» Но товарищ старший прапорщик Колчин, умудрённый житейским опытом в свои пятьдесят с лишним лет, на подобные возражения, как опытный торговец на вещевого рынке, всё время твердил одно и то же:

— Отлично выглядишь! Как с тебя сняли!

Суть этих одобрительных дежурных слов скорее всего заключалась в том, что форма, выданная на радость тебе совершенно бесплатно, как будто бы точно подходила по размеру, но видимо это было в какой-то «другой жизни». Волей не волей с «веским доводом» товарища прапорщика приходилось соглашаться, а потом, на протяжении двух лет обучения, постоянно со вздохом и улыбкой приходилось вспоминать всё те же его слова:

«Как с тебя сняли!»

Невидимая сторона медали

*«Снова солнца на небе нет
Снова бой, каждый сам за себя
И мне кажется, солнце,
Не больше чем сон...»
(Слова из песни группы Кино «Сказка»)*

Сейчас в каждом более менее крупном городе имеется по несколько кадетских корпусов, где имеют возможность обучаться все кому ни лень... В Советском Союзе суворовские училища можно было пересчитать по пальцам. Это были элитные учебные заведения, куда мог попасть далеко не каждый желающий связать свою подростковую жизнь с военной службой.

Присутствовала ли в суворовском училище «дедовщина», которая в некоторых кругах официально именовалась неуставными отношениями?

Оглядываясь в прошлое, спустя уже более тридцати лет, могу уверенно сказать, что как таковой «дедовщины» не было, хотя некоторым из нас всё-таки приходилось сталкиваться с «неуставными отношениями», в том числе и с физическим давлением со стороны старшекурсников...

Здесь прежде всего следует внести некоторые пояснения о том, что негласно на территории училища существовали две тайные «группировки»... Не подумайте ничего плохого, в отличие от реальных Казанских пацанов, мы не делили улицы внутри училища, просто среди нас существовали две группы, одна из которых неофициально именовалась «платочниками», а другая группа именовалась «портяночниками» — это были своего рода два «тайных ордена», в качестве самодельного знамени у которых использовался либо искусно разрисованный платок, либо разукрашенная портянка...

Об истории происхождения этих двух тайных направлений, существовавших по крайней мере уже несколько лет на территории училища, было известно очень мало. Вышеупомянутые «знамёна» передавались по наследству от старшекурсников, готовившихся к выпуску, к первокурсникам в конце первого года их обучения. Забегая вперёд, следует упомянуть о том, что процесс передачи заветного «полотнища» представлял из себя целый тайный обряд, в какой-то мере даже связанный с актом преклонения и с соответствующей присягой, заключающейся в обещании хранить верность данному знамени и «традициям кадетов», передающихся по наследству.

Офицеры-воспитатели знали о существовании этих двух негласных групп и по мере возможности пытались всячески препятствовать участию своих подопечных в обрядах данного культа. Несколько взводов нашей роты, как и некоторые взводы старших курсов были «портяночниками», остальные были «платочниками»... В принципе, со стороны эта разница в атрибутах преклонения никак не проявлялось, никаких «разборок» стенка на стенку у нас не было...

Чаще всего все взаимоотношения между старшекурсниками и первокурсниками сводились к тому, что нужно было выполнять некоторые негласные правила, в основном касающиеся формы одежды... Ты не мог в присутствии старших позволить себе некоторые «вольности», например, первокурснику не позволялось делать «взлётку» из фуражки. В противном случае старшекурсник мог тебе сделать замечание, и ты обязан был подчиниться и устранить все «недочёты».

В какой-то мере в суворовском училище также наблюдалось некоторое сходство со срочной службой в армии. В обоих случаях срок службы проходил два года, с единственной разницей в том, что суворовцы не дают присягу, потому что ещё являются несовершеннолетними пацанами...

Ещё одно сходство со срочной службой заключалось в том, что на второй год с молодыми необученными ребятами происходили некоторые «метаморфозы»... В течение определенного срока гусеница становится куколкой, чтобы затем превратится в бабочку... Суворовцы за два года обучения превращались из «зелёных» пацанов в матёрых кадетов, у которых была уже своя немного пижонская походка. За два года изнеженное мальчишеское тело постепенно превращалось в «Атланта» с расправленными плечами. В то самое тело, которое иногда становилось на голову выше остальных и начинало обладать некоторыми «привилегиями».

Иногда некоторые трения из-за таких «привилегий» между старшекурсниками и первокурсниками, происходили во время дежурства на кухне или в столовой, куда ты мог попасть в наряд в качестве «официанта», а старшекурсники заступали в наряд по столовой, предпочитая для выполнения некоторых грязных работ задействовать более «молодую» силу.

Вообще, наряд по столовой—это была отдельная история, связанная с некоторыми «приключениями» а если тебя назначали в наряд «официантом», то это был полный «трэш». По сути, во время суточного дежурства официантом в твои обязанности входила уборка и сервировка столов для личного состава всей роты после каждого приёма пищи... Тебя передевали в старую потёртую полевую солдатскую форму, давали белый берет и фартук и начинались суровые трудовые будни... Иногда ты просто оставался один на один со стадом голодных и разъярённых суворовцев из своей же роты, потому что физически своим неопытным мальчишеским взглядом ты не мог уследить за тем, чтобы у ста двадцати человек, сидящих за тридцатью столами было всё в достатке... Где-то не хватало ложки, кому-то не хватило несколько кусочков сахара, потерю которого ты не мог возместить, и поэтому тебе приходилось отдуваться по полной программе.

Свой первый наряд по столовой в качестве «официанта», я не забуду никогда... Помню, как разъярённое стадо «голодных» моих же сотоварищей чуть не перевернуло тележку с подносами. В конце всех злоключений, во время ужина, меня к себе позвал майор Бритвин, и вместо того, чтобы проявить хотя бы малейшее сочувствие к моему первому наряду по столовой, он за отсутствие чайной ложки на своём столе, вlepил мне ещё один наряд в не очереди...

«Если у дневального есть точка опоры, то он непременно уснёт...» (армейская мудрость)

До сих пор помню, как в конце тяжёлого рабочего дня, уже ближе к полуночи, я пришёл в расположение своей роты и практически обессиленный прилёг отдохнуть на свою, отдельно стоящую под окном кровать. Во время погружения в глубокий сон, перед моими глазами проносились гора немых тарелок, ложек и вилок, в голове стоял шум от посудомоечных машин. Я быстро заснул, но вдруг во сне почувствовал, что на моей кровати я нахожусь не один; было такое ощущение, что по моему изнемогшему телу кто-то перемещается в сторону окна... Проснувшись, я понял, что несколько пацанов с нашей роты решили тайком покурить ночью. Не придумав ничего лучшего, они просто открыли окно над моей кроватью, сели на подоконник, и стали пускать дым, ведя при этом непринуждённую беседу... По тембру голоса я догадался, что одним из них был Сашка Кочевников, а другим, как я потом понял, был его закадычный приятель из четвёртого взвода Зубов Димка... Он был также обладателем рыжей шевелюры, но его суровое лицо со шрамом на подбородке с потрёпанными рыжими волосами выдавало в нём неисправимого хулигана с немного приблатнёнными замашками... Помимо них на подоконнике восседал ещё и третий собеседник, но его голос, я так и не успел распознать.

После небольшого перекура они испарились во тьме нашей казармы, а я так и остался лежать уставший, обессиленный, одинокий и забытый всеми. В этот момент, я как никогда осознал, что в первые месяцы обучения в суворовском училище, здесь каждый был сам за себя. Нам ещё предстояло многое пройти и много чего хлебнуть, прежде чем мы почувствовали себя

более менее одной командой, но на данный момент, каждый из нас выживал, как мог, пытаюсь найти друзей, на которых можно было опереться... Была ли у меня на тот момент такая опора? Вряд ли...

Хотя в моём взводе и было пару земляков, таких же, как и я приехавших из Москвы, с которыми нас связывали некоторые дружеские отношения, но всё же их нельзя было назвать друзьями в полном смысле этого слова. Позже одного из них «по благу» вернули в Московское Суворовское училище, в которое он, также как и я, пытался в своё время поступить, со вторым мы так и не успели до конца подружиться.

Чуть позже я получил от мамы небольшое письмо, в котором она упомянула о том, что «мой дядя» всё-таки получил добро, связанное с моим переводом в Московское суворовское училище, но мои родители почему-то решили не дёргать меня лишней раз, оставив всё как есть, дабы не прерывать моё дальнейшее обучение в городе Казань. С одной стороны, меня очень сильно расстроило их решение, но с другой стороны, мне было не привыкать к тому, чтобы периодически находиться в дали от дома... До девяти лет моя мама воспитывала меня одна, поэтому практически с двух лет, я был отдан в ясли, а потом она практически без зазрения совести меня отдала в детский сад, работающий в режиме «пятидневки».

Таким образом, я большую часть жизни рос без присутствия своей мамы. При этом я не осуждал её за это, поскольку понимал, что оставшись практически с рождения без своего отца, который по своей пьяной глупости попал в тюрьму, моя мама была вынуждена растить меня одна, с утра до вечера работая на одном из военных предприятий города Москвы. При этом ей нужно было по мере возможности устраивать свою личную жизнь, потому что мой родной отец был сразу же занесён моей мамой в графу под названием «ошибка молодости». В конце концов у меня появился отчим, а потом и младший брат. Хотя с девяти лет я рос уже в полной семье, всё равно я иногда себя чувствовал лишним на празднике семейной жизни... Моя мама была вынуждена больше времени уделять моему младшему брату, что не помешало мне взяться за свой ум во время учёбы в школе и поставить цель в виде поступления в суворовское военное училище...

Периодически на меня накатывала непреодолимая грусть и одиночество, но вместе с этим, где-то уже совсем недалеко мерцала робкая надежда в виде первого отпуска с поездкой домой в родную Москву на осенние каникулы, чтобы всё-таки увидеть своих родных и близких, а также старых школьных друзей, собраться вместе за столом и хотя бы на время забыть все тяготы первых месяцев обучения в училище, забыть про этот холодный пасмурный город и про местных неприветливых суровых Казанских пацанов...

«Луна появилась и лезет настырно
Всё выше и выше,
Сейчас со всей мочи завою с тоски,
Никто не услышит.
Ой-йо ой-йо ой-йо никто не услышит.
Ой-йо ой-йо ой-йо никто не услышит.
Ой-йо ой-йо ой-йо никто не услышит.
Ой-йо ой-йо ой-йо никто не услышит...»
(Слова из песни группы «Чайф»)

Лжецы и Рыцари

«И правый был неправ... И самый сильный падал...» (Надежда Кондрашова)

— Дело происходит на волшебном острове. Каждый обитатель этого острова является либо рыцарем, либо лжецом. Рыцари всегда говорят правду (то есть высказывают только истинные утверждения), лжецы всегда лгут (то есть их высказывания всегда ложны).

Задача: Имеются два островитянина: «А» и «В».

«А» говорит: «По крайней мере, один из нас лжец».

— Кем по своей сути является «А» (рыцарем или лжецом) и кто по своей сути «В»?

Именно такую задачку на логику нам задал немного чудаковатый преподаватель по алгебре и геометрии Илья Иванович Игудин. За свою непростую фамилию он практически сразу получил обидное прозвище «Иуда».

Во время урока эта задачка так и осталась нарисованной на доске без ответа, поэтому её предстояло решить в процессе выполнения домашнего задания...

Доживший до глубокой старости, американский математик и философ Реймонд Смаллиан создал целый мир логических задач, с которыми нас очень хотел познакомить Илья Иванович во время своих занятий. В свою очередь, нам молодым и юным суворовцам по завету бабушки Ленина предстояло «Учиться, учиться и ещё раз учиться...» Именно такой лозунг красовался над доской в одном из наших классов...

Важно отметить, что в суворовском училище был весьма интереснейший и разносторонний преподавательский состав. Например, наш учитель русского языка и литературы Нонна Викторовна Смирнова немного немало являлась заслуженным преподавателем РСФСР... В самом начале обучения мы практически сразу стали отхватывать у неё твердые двойки и тройки по первым контрольным диктантам и сочинениям. Единственным исключением в этом отношении среди нас был высокорослый «гуманитарий» из Калуги и по совместительству мой сосед по парте Витя Фёдоров по прозвищу «Федя».

«Федя» тянул на золотую медаль и подавал большие надежды на то, чтобы его имя и фамилия навсегда были отчеканены золотым тиснением на одной из почетных мраморных досок, висевших при парадном входе главного здания нашего доблестного училища...

Также «Федя» был интересным собеседником, не лишённым при этом доли тщеславия. Он любил вкусно покушать, поэтому всегда имел при себе заготовку в виде вкусного пирога или кулебяки, припрятанной после очередного увольнения... Вообще «Федя» был довольно запасливым человеком, по сути только у него имелся чай и кипяtilьник, и он, чуть ли не единственный, кто в нашем взводе мог позволить себе пользоваться настоящей туалетной бумагой, которая в то время была достаточно дефицитным товаром.

Именно с «Федей» мы иногда тайком после отбоя проникали в наш учебный класс, где под покровом ночи, в использованной консервной банке из под сгущёнки кипятили воду, для того, чтобы попить чаю с чабрецом... Наслаждаясь запахом ароматного чая и поедая припасённые пироги, мы вели долгие душевные разговоры под тихую музыку группы «Кино» или «Depeshe Mode», доносившуюся из небольшого магнитофона, взятого на время, у одного из наших однокурсников. Потом мы ложились спать...

Однажды, перед тем, как погрузиться в глубокий сон, я ещё раз попытался вспомнить ту самую задачку по логике, которую нам задал Илья Иванович Игудин. Пытливостью ума я сильно не отличался от остальных учеников, но эта задачка почему-то не оставляла меня в покое...

В конце концов меня осенило:

— Если допустить, что фразу про наличие в компании «А» и «Б» лжеца сказал, сам лжец, то мог ли он сказать правду? Нет... Следовательно, эту фразу мог сказать только рыцарь... Поэтому—рассуждал я: «А» —это рыцарь, а «В» —это лжец...

На следующий день, к немалому удивлению «Иуды» я перед всем классом предоставил решение этой задачи, которую кроме меня так и никто не смог решить, чему я был сам не только несказанно рад, но и в немалой степени польщён...

Конечно, в отличие от выдуманного мира лжецов и рыцарей в реальной жизни всё было гораздо сложнее. Иногда окружающая действительность сводилась к разделению всего и вся на сильных и слабых. Как говорится в одной басне Крылова:

«У сильного всегда бессильный виноват, Тому в Истории мы тьму
примеров слышим, Но мы Истории не пишем;»

Однажды я попал на очередное дежурство в столовую в качестве официанта. Вместе со мной в наряд по столовой заступили суворовцы-второкурсники из пятой роты, которая в большинстве своём примыкала к группе «платочников»... Поначалу наше дежурство проходило без сучка и задоринки... В принципе, у дежурных суворовцев-первокурсников не возникало вопросов, если второкурсники обращались с просьбой вынести мусор и то, что осталось недоеденным после очередного приёма пищи... Мусорка находилась не на территории столовой, а немного дальше—там, где находился задний двор училища с бытовыми постройками, поэтому, неся «отходы производства» дежурным приходилось преодолевать приличное расстояние. Иногда это действие происходило на виду своих же однокурсников, которые при этом успевали делать в твою сторону колкие замечания. После пары таких ходок у моих сослуживцев стал возникать закономерный вопрос:

А не слишком ли часто я выношу то, что должны выносить второкурсники? Не прогибаюсь ли я под них?

В конце концов у меня тоже стали возникать такие вопросы...

Поздно вечером, находясь уже в изрядно уставшем состоянии и готовясь к тому, чтобы пойти в расположение своей роты, я услышал позади себя возмущённый голос со стороны помещения, которое называлось котломойкой:

— Эй, а кто будет выносить мусор? Я что ли???

Оглянувшись, я увидел перед собой второкурсника с немного нагловатым видом и покрасневшим от пара лицом...

В какой-то момент я сразу почувствовал, что «вечер перестал быть томным».

К тому же, услышав в ответ мои доводы о том, что в течение дня я уже проделывал несколько раз эту процедуру, второкурсник пришёл в ярость и в качестве дополнительного довода не нашёл ничего лучшего, как отвесить мне сильный пинок под зад...

Мне стало очень обидно за то, что мои приведённые доводы не возымели никакого действия и на моих глазах стали появляться слёзы. Обида была связана не только с тем, что я получил увесистый пинок под зад, но и с тем, что эта экзекуция произошла на виду персонала столовой, состоящего из «гражданских» поваров и уборщиц, и в какой-то момент до меня стало доходить понимание того факта, что за беззащитного суворовца-первокурсника никто не собирался заступаться...

Те, кто слабее всегда ищут и ждут помощи у тех, кто постарше, но в данный момент, я понял, что для этих людей моё унижение было чем-то обыденным... Все уже прилично устали и никто не хотел выполнять грязную работу и заступаться за слабого. В такие моменты ты начинаешь по-настоящему осознавать своё одиночество и беззащитность. С другой стороны, видимо присутствие посторонних «гражданских» лиц, которые чуть ли не стали свидетелями моего окончательного избиения, послужило некоторым «тормозом» для дальнейших агрессив-

ных действий второкурсника в мою сторону... Наверняка, кто-то из персонала мог донести кому следует, в том числе и дежурному по столовой, роль которого исполнял один из прапорщиков... Хотя для дежурного по столовой, как и для большинства офицерского состава важнее было исполнение приказа, он всё-таки понимал, что «здесь вам не тут», и избиение несчастного суворовца-первокурсника во время дежурства никоим образом не входило в его планы...

В конце концов, моя твёрдая решимость не выносить оставшиеся отходы тоже сыграла некоторую роль, и под яростные проклятия остальных второкурсников из наряда по столовой, я всё-таки был отпущен в расположение своей роты...

Вернувшись из наряда по столовой ещё до того, как прозвучала команда «отбой» кое-кто из ребят заметил моё заплаканное лицо и потрёпанный вид и некоторых из них даже глубоко тронуло моё подавленное состояние... В итоге, после небольшого стихийного обсуждения, от нашего взвода на следующий день была послана делегация к старшекурсникам-портянчикам, которые взяли над нами негласное шефство... После некоторых разборок на более «высоком уровне» было принято негласное решение о том, чтобы те, кто заступает в наряд по столовой вели себя помягче к первокурсникам, которые заступали на дежурство официантами, хотя по сути, все эти заявления в основном оставались на словах. Иногда первокурсники всё равно сталкивались с некоторым давлением со стороны второкурсников... Со временем, по мере взросления первых, давление ослабевало и в конце концов даже заканчивалось панибратскими отношениями...

Да, реальность, царившая в стенах суворовского училища очень сильно отличалась от выдуманного мира лжецов и рыцарей, но эта реальность также сильно отличалась от того беспредела, который уже давно царил в советской армии в целом среди солдат срочной службы. Большая разница состояла в том, что в суворовское училище мы поступали добровольно, без принудительного призыва, и каждый из нас понимал, что за плохое поведение любого могли просто с позором отчислить из престижного заведения... Что касается солдат, проходящих срочную службу, то в данной ситуации никого не отчисляли... К тем, кто провинился, применялись дисциплинарные меры в виде гауптвахты², либо дисбата, но такое позорное явление, как «дедовщина» продолжало существовать независимо от принимаемых мер...

На тот момент мы по мере возможности отгоняли принятие факта, что уже выйдя из стен суворовского училища, рано или поздно большинству из нас придётся столкнуться с реальностью армейской дедовщины лицом к лицу, а периодические «разборки» внутри училища через призму прожитых лет, нам покажутся лёгким приключением...

² Гауптвахта (от нем. Hauptwache, дословно — «главный караул») — специальное здание с помещениями для содержания арестованных военнослужащих вооружённых сил своего государства.

В связи с напряжённой обстановкой «на границе с Гондурасом»

*«В Гондурасе крах и загнивание,
Политический в стране развал!»
(Аркадий Арканов)*

Быстро растущий организм постоянно нуждался в хорошем сне и в качественной пище, поэтому суворовцам хотелось кушать чуть ли не круглосуточно. Даже буфет, находящийся на территории училища среди личного состава носил почётное название «ЧПОК» — аббревиатуры, состоящей из четырёх заглавных букв и расшифровывающихся, как Чрезвычайная Помощь Оголодавшим Кадетам.

Оголодавший кадет часто походил на голодного блуждающего зверя, который был постоянно занят поиском пищи. Иногда, в общей столовой к концу обеда или ужина, официант выносил добавку, на которую голодные Суворовцы налетали, как коршуны и сметали всё с лёту, выхватывая тарелки друг у друга... Тем кому не хватало добавки, на выручку приходил «ЧПОК», но здесь присутствовали две проблемы: нужны были карманные деньги и нужно было время, чтобы вырваться из напряжённого графика, а времени не хватало катастрофически, потому что у суворовцев, особенно первокурсников, был очень напряжённый распорядок дня...

После подъёма в семь утра, все бежали на зарядку, потом в 8.00 начинался завтрак, далее шли учебные занятия. В 11.30 был уже второй завтрак, по своему меню чем-то напоминающий полдник... По своей сути, это был небольшой перекус, перед которым проводилась небольшая пробежка вокруг училища... Затем проходили остальные занятия, после чего в 15.30 все шли в столовую на обед... В 17.00 начиналась самоподготовка, во время которой многим из нас дико хотелось спать, но зоркий офицер-воспитатель Бритвин сразу же пресекал этот момент и заставлял тех, кто заснул во время самоподготовки, бежать несколько кругов вокруг училища для того, чтобы получить дополнительную порцию свежего воздуха. После такой вынужденной физической «процедуры» уставший организм получал освежение на короткое время, после чего спать хотелось ещё сильнее.

Затем, после самоподготовки, мы все шли дружным строем на ужин, который начинался в 20.00. После непродолжительного ужина полагалось хождение строем по плацу с пением строевой песни. И только лишь перед вечерней поверкой и отбоем в 23.00 небольшое время отводилось на личные нужды... При таком загруженном графике суворовца-первокурсника всё-также преследовали два сильных непреодолимых желания: поесть и поспать...

Однажды, где-то ближе к зиме, аварийная ситуация с электроснабжением в городе Казань преподнесла нам неожиданный подарок. Дело в том, что некоторые районы города, в том числе и территория суворовского училища на несколько часов остались без электричества. Нам очень повезло, дежурным офицером, остававшимся на ночь в нашей роте, оказался опытный майор Колосов, который на тот момент был человеком уже немолодого возраста с поседевшими висками, но при своём росте, чуть выше среднего, сумел сохранить хорошую выправку и твёрдый командный голос, который иногда терял свою чёткость при чрезмерном употреблении спиртных напитков.

Майор Колосов в отличие от бывшего «контуженного» афганца майора Бритвина, особо не заморачивался и иногда был не против вечером пропустить пару рюмок спиртного в компании таких же боевых офицеров-воспитателей, дежуривших в соседних ротах. Время на улице неуклонно клонилось к кромешной тьме, а электричества так и не было, после чего майор

Колосов построил всю нашу третью роту, и для того, чтобы чётко обозначить причинно следственную связь, уже не совсем трезвым командным голосом произнёс свою фирменную фразу:

— В связи с напряжённой обстановкой на границе с Гондурасом, объявляю всему личному составу команду «Отбой!»

Для многих ребят эта команда прозвучавшая в 21.00 вместо положенных 23.00 означала хорошую возможность отоспаться, хотя бы один разок за несколько недель, чем мы и воспользовались... Для нас это была не только самая длинная, но и самая спокойная ночь...

«Крыши домов дрожат под тяжестью дней
Небесный пастух пасёт облака
Город стреляет в ночь дробью огней
Но ночь сильнее, её власть велика
Тем, кто ложится спать
Спокойного сна, спокойная ночь...» (Виктор Цой)

Падение «Рэмбо»

«Положитесь на время. Все маски рано или поздно падают. Когда кто-то ходит на кончиках пальцев, чтобы казаться как можно более высоким, он в конце концов устаёт от этого занятия».

*(Бернар Вербер
«Звездная бабочка»)*

В какой-то мере нашему поколению посчастливилось жить в эпоху величайших перемен. Такие слова, как «перестройка», «гласность», «плюрализм мнений», «свобода слова», очень долго звучали с экранов телевизоров. В следствии нового витка свободы по всей стране, как грибы после дождя, стали открываться видеосалоны, открывающие окно в совершенно другой мир, со своими накаченными всеильными супергероями боевиков, которым сразу же хотелось подражать.

Мои однокурсники по суворовскому училищу в этом отношении не были исключением... Одним из таких «подражателей» новым киногероям был Андрей Сергеев из третьего отделения нашего взвода... Этот парень среднего роста и особо ни чем не примечательного телосложения, очень хотел накачать свои мышцы, но его ожидания немного расходились с суровой реальностью... Возможно Андрей мысленно уже себя представлял одним из героев боевиков с широко накаченным плечами, но в его случае, при отсутствии вожденной горы мышц, плечи были только широко расставлены в разные стороны, которые он демонстративно-устрашающе пытался перемещать не только при ходьбе, но и даже во время плавания в бассейне, что со стороны выглядело достаточно неуклюже и смешно... За свой высокомерный взгляд и чуть сдвинутую вперёд челюсть, он сначала получил кличку «Рэмбо», а спустя какое-то время его просто стали именовать не совсем красивым прозвищем «челюсть»...

На беду Андрея Сергеева в том же отделении находился суворовец по имени Димка Стебелев—ни чем не примечательный юноша ростом ниже среднего с немного лишним весом и с постоянно небритой щетиной, которая ему досталась по наследству от папы, являющимся ни много ни мало настоящим полковником Воздушно-десантных войск... Важно отметить, что при всей своей непримечательной внешности, Дима Стебелев был достаточно ловким и имел даже разряд по лёгкой атлетике, поэтому по своим повадкам он был похож на безобидного мохнатого мишку, который в любую секунду мог превратиться в хищного и достаточно ловкого зверя...

На первых порах всё шло своим чередом, пока между «Рэмбо-челюстью» и «медведем» не произошла стычка, в результате которой Рэмбо был повержен физически и эмоционально...

Очень хорошо помню, как поначалу над Димкой Стебелевым иногда подтрунивали за его смешную небритую внешность, но на тот момент ещё не все знали, что у Димы папа был настоящий полковник ВДВ... Настоящий полковник ВДВ передал своему отпрыску не только быстрорастущую щетину, но и хорошо поставленный удар, которым Дима буквально мог завалить кого-угодно... Именно это и произошло с «Рэмбо»... Во время очередной стычки в кубрике, ловким движением сокрушительного кулака Димы Стебелева, Андрей Сергеев был отправлен в тяжёлый нокаут, как потом выяснилось не один раз... Скорее всего «Рэмбо» не мог поверить, как такое могло случиться и поэтому был несколько раз наказан за свою самоуверенность.

После вышеупомянутого инцидента, произошедшего на глазах всего третьего отделения нашего взвода, поверженный «Рэмбо» был практически сразу подвергнут бесчисленным насмешкам со стороны своих же однокурсников... Не выдержав эмоционального напряжения «Рэмбо» по имени Андрей испытал величайшее потрясение, и в дальнейшем впал в глубочай-

шее уныние, в результате чего он был вынужден отчислиться навсегда и бесповоротно из суворовского училища...

Для многих из нас то, что произошло между Андреем-Рэмбо и Димкой Стебелевым, в конце концов, оказалось суровой правдой жизни... Постепенно мы стали приходить к осознанию того, что только в красивых фильмах-боевиках победы одерживали красивые парни с накаченными до безобразия мышцами... В реальной жизни, всегда работало неизменное правило: «Против лома нет приема, если нет другого лома». Именно после этого случая Димка Стебелев получил своё прозвище «лом» или «столб», прилепившиеся к нему на все два года обучения в суворовском училище.

По началу многим из нас казалось, что в данной ситуации Димка Стебелев, был невинной жертвой, которая смогла постоять за себя, но это была только видимость... Жертвой оказался именно Андрей Сергеев, хотя он и пострадал при этом также за своё высокомерие... После отчисления Андрея, Дима Стебелев с компанией своих приятелей выбрал следующую жертву... Ей оказался суворовец Алексей Москвичёв из того же третьего отделения...

Жертва или изгой?

«Ненависть бывает весьма вдохновляющим чувством. Мир перестает быть непонятным и пугающим, если разделить всех на друзей и врагов, на своих и чужих, хороших и плохих. Самый простой способ объединить группу—вовсе не любовь, потому что любовь—это трудно, любовь требовательна. А ненависть—это просто...» (Фредрик Бакман)

«Представить себе, что именно чувствует изгой в детском или юношеском коллективе, может только тот, кто сам пережил нечто подобное...» (Олег Рой «Эдельвейсы для Евы»)

Вполне возможно, кому-то из вас или вашим детям наверняка приходилось в подростковые годы соприкоснуться с таким довольно хорошо изученным в наше время явлением, как «буллинг»³. Приходилось ли мне сталкиваться с этим неприятным и жестоким явлением во время обучения в суворовском училище?

Скажу честно: Да... Но в то время про это понятие мало кто слышал, поэтому даже опытные офицеры-воспитатели не знали, что делать и как с этим бороться.

Спустя годы в одной из газетных заметок я смог прочитать про такое понятие, как «синдром курицы». Буквально там говорилось следующее:

«Однажды фермеры заметили, что курицы, находясь в большой стае на птичьем дворе, могут друг другу навредить. Если одна из куриц поранится и на ее ослепительно-белых перьях появится кровавое пятно, другие курицы не могут отказать себе в удовольствии клюнуть ее в больное место. И клюют, клюют, до тех пор, пока не заклюют до смерти.

В этом изуверском процессе часто страдают другие куриные товарки. Тогда стая переключается на них и тоже клюет до полной победы. Клюют и топчут. Иногда куриное побоище приводит к тому, что более половины птичника оказывается самоистребленным. Поэтому ушлые фермеры придумали для куриц специальные очки: в них курица не видит красное пятнышко на белых перьях...

К сожалению, человеческое общество часто напоминает такой же «птичник». Замечают «пятнышко» и начинают долбать, задалбливают абсолютно и полностью. Потом, вытеснив слабого, намечают новую жертву. Такое поведение особенно часто проявляется среди подростков. Подростки вообще жестоки, у них еще сильна эта стайность, когда кидается лидер, а за ним и все остальные...»⁴

Надо признаться, в жизни подростков очень часто происходит нечто подобное... Поначалу всё начинается с безобидных насмешек и колкостей, на которые ты стараешься не обращать внимания, потом ты начинаешь понимать, что живёшь не просто в коллективе, а в волчьей стае свирепых подростков, где каждый небольшими выпадами в твой адрес, старается проверить тебя на прочность... В конце концов, до тебя постепенно начинает доходить, что

³ Травля (буллинг — англ. bullying, в переводе — «запугивание») — систематическое агрессивное поведение, направленное на причинение физического, психологического или эмоционального вреда другому человеку. В отличие от разовых конфликтов, буллинг характеризуется повторяющейся моделью насилия и дисбалансом сил между агрессором и жертвой.

⁴ Газета «Вечерняя Москва» от 21 ноября 2012 года. Автор статьи Бокашева Лера.

теперь твоё дальнейшее существование в стае будет зависеть от твоей реакции на эти выпады... Сможешь ли ты дать достойный отпор и «поставить» на место твоего оппонента или нет?

Алексей Москвичёв—являлся одним из суворовцев нашего взвода, который не умел давать отпор и при любом выпаде или насмешке просто впадал в ступор... Дальше—больше:

— Ты чё тормозишь?

— Снимись с ручника!

— Что прикидываешься пирожком?

Мне по-человечески иногда было очень жалко Алексея, которого впоследствии прозвали безобидным прозвищем «пирожок», но я ничего не мог с этим поделать... Во-первых, третья отделение находилось в соседнем кубрике, и многие их внутри семейные разборки оставались в стороне от наших глаз... Во-вторых, я, понимал, что подвергаясь насмешкам типа, как «чушпан московский», я в любой момент мог сам оказаться следующей жертвой...

Да, и тут, как на зло многие пришли к осознанию того, что в нашей роте завелся «стукач». Первое подозрение практически сразу пало на Алексея Москвичёва, потому что он имел привычку часто навещать командира роты подполковника Полевого... Вместе с этим, одно из подозрений, как это ни странно, также пало и на меня...

Вожаки и стукачи

«Сдаётся мне, что ты, мил человек, стукачок...» (Цитата из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»)

Если говорить более понятным языком, фраза из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» означает следующее: у нас есть подозрение, что ты дружок являешься предателем... А предателей никогда не любили...

Подозрения в том, что в нашей среде завёлся такой предатель или «стукачок» возникли практически сразу, потому что у полковника Полевого оперативно появлялась информация о том, что происходило в нашей роте, в том числе и по ночам, когда происходили всякого рода «разборки» и «сведения счётов»...

Одну из таких ночей я запомнил надолго, потому что это был один из самых страшных моментов в моей жизни, во время которого я почувствовал себя далеко не героем, а скорее всего забитым в угол трусливым персонажем, на тот момент нашумевшего перестроечного криминального кинофильма «Беспредел», вышедшего на широкие экраны всей страны уже на закате Советского Союза, и без прикрас повествующего о криминальной жизни «зэков» в одной из бесчисленных колоний нашей необъятной Родины...

У любого конфликта имеется своя предыстория или «контекст событий», который имеет продолжительную фазу, в результате чего расставляются все точки над «и», и сразу становится понятно кто есть кто...

В силу своей комплекции, Витя Фёдоров или «Федя» очень любил вкусно и хорошо поесть, поэтому когда в кадетской столовой выезжала очередная тележка с добавкой, Витя был практически один из самых первых, кто вырывал тарелку с заветной добычей... «Добыча», в виде аппетитной порции, доставалась далеко не всем, иногда на одну тарелку устремлялось несколько цепких лап голодных кадетов... В таком случае вопрос решался просто: чья хватка сильнее, тот и прав...

Однажды во время ужина Витя чуть ли не с рыком «Это моя добыча!» умудрился вырвать тарелку с приличной порцией запеканки у одного суворовца из соседнего взвода, совершенно не догадываясь о том, что этот суворовец был из местных Казанских пацанов, являющимся на тот момент местным вожаком стаи, уже успевшим среди своего окружения завоевать определённый авторитет. С одной стороны в такой ситуации сразу приходит на память сюжет из советского мультика про Маугли, оказавшегося в диких джунглях, где вожак, из приютившей мальчика стаи волков, промахнулся во время очередной охоты... Сразу вспоминается крикливый голос шакала по имени Табаки:

«Акелла промахнулся!!!»

Проблема состояла лишь в том, что по своим повадкам Витя далеко не был похож на грозного тигра по прозвищу «Шер-Хан», а местный вожак стаи из Казанских пацанов совершенно не был похож на молчаливого волка... Немного оскалившись, «вожак» затаил обиду и стал выжидать более удобного момента, чтобы отомстить за потерянную добычу... Такие промахи, конечно, были не так заметны на первый взгляд, но «закон джунглей» местного разлива такой наглости простить не мог...

И вот однажды «вожак» со своей небольшой сворой «диких псов» вышел на ночную тропу мести, ведущую прямо в наш кубрик... Моя кровать, на тот момент всё также находилась в конце центрального прохода под окном... Сквозь беспокойный сон я услышал, как кто-то вежливо попросил Федю подняться и пройти к выходу нашего кубрика, справа от которого

находился ряд вешалок с нашими шинелями тёмного цвета... Потом после некоторой возни с непонятными возгласами, я услышал, как Витя несколько раз с сильным грохотом упал на паркет нашего кубрика...

Многих из нас, в том числе и меня, парализовал дикий страх, который испытывает жертва почуяв, как хищник рвет очередную добычу из окружающего тебя стада... Те, кто пытался возмущаться по поводу нарушенного сна, сразу получали сильный удар в «пятак». Остальные молчали, как рыбы, и потом с трудом могли заснуть до утра...

В каких-то ситуациях очень трудно понять модель поведения того или иного человека в состоянии сильного стресса или страха, который способен парализовать любую жертву. Возможно, на тот момент большинство из нас было чем-то похоже на тех самых моржей из старой притчи, которые сотнями лежали на берегу... В конце концов, пришёл охотник и стал одного за другим приканчивать дубинкой. Объединившись, они могли бы легко раздавить его — но они лежали и смотрели, как он, убивая, подходит всё ближе, и не трогались с места: ведь убивал-то он всего-навсего соседей — одного за другим.

На следующее утро, во время построения старший прапорщик Колчин сразу же заметил невесёлую картину, состоявшую из разукрашенных лиц некоторых суворовцев из нашего взвода. На все его вопросы пострадавшие от ночных побоев, отвечали, как правило невнятно и невпопад... Помню, как Витя Фёдоров с растерянным видом попытался объяснить, как он зубами попробовал открыть бутылку лимонада, после чего поранил губу и она сильно распухла на пол лица... По лицу старшего прапорщика было видно, что этот приведённый аргумент у него вызвал сильные сомнения... И только Андрей Барыкин из нашего взвода сквозь зубы процедил, что его ударили ночью... На вопрос кто это сделал, он не смог ничего ответить, но по его лицу было видно, что он затаил обиду...

Затаившиеся обида лежавшая тяжёлом грузом в сердцах большинства ребят из нашего взвода была связана с унижительным страхом, испытанным в ту самую злосчастную ночь. Прицельное ночное мордобитие со стороны суровых местных Казанских пацанов, в конце концов не могло пройти бесследно... Это привело к тому, что многие из суворовцев из нашей роты старались больше личного времени проводить в «качалке местного разлива», состоящей из нескольких больших гантелей и небольшой штанги, а также некоторые стали уделять больше внимания дополнительным занятиям по рукопашному бою...

Иногда на территории училища, в местном кинотеатре, помимо обычных киносеансов, за дополнительную плату проводились киносеминары с участием некоторых известных актёров и кинокритиков... Помню, как один из ведущих, перед показом американского фильма «Тутси», долго нам рассказывал о нелёгком детстве талантливого американского актёра Дастина Хоффмана, который, живя в одном из неблагополучных районов, являлся просто мальчиком для битья...

К сожалению, я сейчас не могу вспомнить какие именно события привели к тому, что Дастин Хоффман в конце концов стал талантливым актёром, но я могу точно сделать вывод, что именно после той злополучной ночи, некоторые из ребят нашего взвода, в том числе и Барыкин Андрей, приняли твёрдое решение стать десантниками или морпехами... Никто из нас не хотел быть тем самым «мальчиком для битья», но, к сожалению, на тот момент многие не знали о том, что на разлагающейся теле огромной страны под названием Советский Союз, уже постепенно появлялись многочисленные «горячие точки», в результате чего многие десантники и морпехи, как правило, должны были одними из первых оказаться на поле боя... Некоторые из них героически погибли в неравной борьбе...

Спустя пару недель, во время очередного построения всего личного состава на центральном плацу, местный «вожак стаи», будет выведен из строя, после чего начальник училища

генерал-майор Котовский в присущей ему манере, с напыщенным серьёзным видом произнесёт фразу, с характерным «лукашенковским акцентом», звучащую для многих из нас, как приговор:

«ПРИКАЗЫВАЮ, ОТЧИСЛИТЬ!»

Именно в этот момент у многих ребят вновь стали зарождаться смутные подозрения о том, среди нас всё-таки завёлся «стукачок», который своевременно докладывал «на верх» обо всём, что происходило в расположении нашей роты. В это же время взгляды многих учащихся из соседних подразделений были с недоумением устремлены в нашу сторону... Среди них я запомнил взгляд одного парня из соседней роты, который, в отличие от других смотрел на нас немного с ухмылкой... Такое ощущение, что в его глазах совершенно не было страха и отсутствовало всякое недоумение по поводу всего произошедшего... Этот парень через несколько лет тоже станет десантником, а в конце девяностых после начала Второй Чеченской войны, будет представлен к награде Герой России (посмертно)

Мы не будем называть их фамилии

«Всякий раз, когда человек допускает глупость, он делает это из самых благородных побуждений...» (Оскар Уальд)

Командир второго отделения нашего взвода, будущий вице-сержант Алексей Нетёсов тоже тянул на золотую медаль, но в отличие от Вити Фёдорова больше испытывал тягу к точным наукам, чем к гуманитарным, из-за чего нередко испытывал проблемы с редакцией боевого листка, который командиры отделений должны были оформлять каждую неделю... В боевом листке необходимо было отразить успехи и достижения взвода, а также нужно было отметить тех, кто «отличился» во время различных происшествий...

Однажды я тоже стал «героем» такого боевого листка... Причиной громкого заголовка стала моя небольшая отлучка вместе с Серёгой Ивановым из расположения нашего взвода в сторону местного Буфета под кодовым названием «ЧПОК», где аппетитно пахло горячими татарскими беляшами с мясом, которые мы во избежании лишних глаз, поспешно распихивали по карманам нашей формы темного цвета с красными лампасами... Насладившись хорошим перекусом, мы вместе с Серёгой отправились в расположение взвода в хорошем настроении из-за временно удалённого чувства голода, который преследовал нас постоянно...

Никто из нас не догадывался о том, что наша небольшая отлучка была замечена чьим-то зорким взглядом, и о происшествии было вовремя доложено вышестоящему начальству, которое сразу же приняло все необходимые меры. Нам с Серёгой практически сразу было вынесено по строгому выговору в занесение в личное дело, а будущему вице-сержанту Нетёсову было поручено отразить это происшествие в очередном выпуске «Боевого листка».

Когда свежий выпуск боевого листка появился на местной «доске позора», многие суворовцы из нашей роты в конце текста, сообщающего о небольших успехах нашего взвода, смогли также лицезреть небольшую заметку следующего содержания:

«ЗА ПРОШЕДШУЮ НЕДЕЛЮ В НАШЕМ ВЗВОДЕ ТАКЖЕ СМОГЛИ „ОТЛИЧИТЬСЯ“ ДВОЕ СУВОРОВЦЕВ, САМОВОЛЬНО ПОКИНУВШИХ РАСПОЛОЖЕНИЕ ВЗВОДА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОСЕТИТЬ БУФЕТ... ТЕМ САМЫМ ЭТИ ДВОЕ НАВЛЕКЛИ ПОЗОР НА РЕПУТАЦИЮ ВСЕГО НАШЕГО ЛИЧНОГО СОСТАВА... МЫ НЕ БУДЕМ НАЗЫВАТЬ ИХ ФАМИЛИИ, ХОТЯ ЭТО ИВАНОВ И ШАЛИМОВ...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.